

СОЦИОЛОГИЯ

А. И. Бойко¹

ИЗ ОПЫТА ПОЛЕВЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ЮГЕ РОССИИ...

Мои многочисленные ученики часто задают интересующий их вопрос – как я стал социологом? Отвечая на него, постараюсь быть немногословным. Родился я в послевоенном городе, который тогда именовался Ленинград, в районе Финляндского вокзала. Отец учился в Военно-медицинской академии. Этот район, начало Выборгской стороны, – моя малая родина. До 59-го года я учился в Питере, а затем поступил в систему суворовских военных училищ (мне было 12 лет), причём, – сначала в Новочеркасское (родители к тому времени жили в Ростове, отец службу проходил), которое в 1963 г. расформировали, а нашу роту перевели в Казань, а затем меня (и ещё несколько ребят) направили в Кавказское Краснознаменное суворовское военное училище в городе Орджоникидзе.

Учился семь лет, что дало мне для жизни и закалку, и неплохое образование, и многое-многое другое. У нас были прекрасные преподаватели. А офицер-воспитатель (на 25-30 человек) – это как в школе классный руководитель. Они были в звании не ниже майора. Командир роты – обычно подполковник. Училищем командовал генерал. А ещё был в каждом взводе – помощник командира взвода, это из сержантского состава, старшины, которые учили бытовым навыкам, следили за хозяйственной частью жизни небольшого по воинским понятиям организма, каким является взвод.

Закончив в 1966 году «суворовское» образование, поступил на исторический факультет Ростовского государственного университета. Этот год знаменит тем, что тогда были самые огромные конкурсы в истории нашей страны (два выпуска из средней школы). Достаточно скоро, в начале учебы, я испытал некоторую неудовлетворенность преподаванием основных исторических дисциплин. И уже на втором курсе с моим однокашником, будущим известным режиссером Евгением Цымбалом, мы пришли к Юрию Семёновичу Колесникову, руководителю социологической лаборатории Ростовского университета. Она считалась первым социологическим вузовским, да и вообще социологическим подразделением на юге России. Была основана в апреле 64-го года. Тогда Колесников был молод, и в 68-м году вышла его вместе с Борисом Григорьевичем Рубиным книжка: «Студент глазами социолога». Книга имела большой резонанс. Выход книги напластовался на те события, которые проис-

---

¹ Бойко Леонид Иванович, старший научный сотрудник СКНИИЭиСП ЮФУ.

ходили в мире – и во Франции, и во всей Европе, и студенческие выступления в Америке против войны во Вьетнаме, и ввод наших войск в Чехословакию... Знаменательный был год. Социология тогда привлекла меня не оппозиционностью, это было бы неточно сказано, но если казенным языком говорить, то новаторским духом. Может быть, какой-то нетрадиционный подход к обществу, к людям. В Ростовском университете вообще сильные, интересно мыслящие преподаватели были, в том числе по общественным наукам (достаточно вспомнить М.К.Петрова, хотя его почему-то преподавать на дневное отделение не пускали). И вот я, завершив обучение, так (с тех пор) и работаю именно в Ростовском государственном университете.

Мой научный интерес относится к области образования, различным его уровням и аспектам..., выходу в самостоятельную жизнь выпускников, адаптации молодых специалистов; вот этот клубок. Позднее, естественно, были какие-то другие, заказные работы, хоздоговорные работы, в которых приходилось участвовать... К началу 90-х годов пришли темы, связанные с электоральной социологией... В Ростове постоянно проводились исследования, которые вскрывали много интересного, важного, неортодоксального, о чем в газетах не писали, а издавались бюллетени под грифом «Для служебного пользования». При этом не надо забывать, что у нас рядом Таганрог, который был признан в масштабах страны типичным средним городом и который служил полигоном для массовых социальных исследований, в том числе для беспрецедентного «Таганрогского проекта» Б.А. Грушина. Ещё студентом я участвовал в этих процедурах, нас привлекали.

Во всяком случае, с тех пор я в социологии. Возглавляю Центр мониторинговых исследований Северо-Кавказского НИИ экономических и социальных проблем РГУ. В начале 90-х годов меня пригласили преподавать социологические дисциплины. Было отделение на философском факультете нашего университета, затем оно отпочковалось. Теперь это факультет социологии и политологии, где на кафедре прикладной социологии я работаю. Преподавал несколько базовых курсов: «Социология общественного мнения», «Социология образования», ряд спецкурсов.

Когда в столице начали образовываться мощные центры по изучению общественного мнения и маркетинговых исследований, им, естественно, потребовались люди на местах. И мы какое-то время сотрудничали с ними... Ну, и не очень это нам нравилось, потому что там сложилось сугубо потребительское отношение к провинциалам. В чем оно выражалось? Платили с разными задержками, критерий – стоимость интервью. Одно интервью, одна анкета стоит столько-то – и всё. Но расходы-то выше этого. Ну ладно, оплачивают ещё транспортные расходы. А затраты же есть здесь тоже: какие-то помещения эксплуатируются, коммунальные расходы... Это никогда в расчет не принималось. А если брать их инструментарий, то это часто были кальки с западных образцов, особенно в маркетинговых опросах. Зачастую несуразные переводы,

которые абсолютно не учитывают особенности нашего населения. Мне казалось, что они и сами-то не очень уверенно себя чувствуют под мощным напором своих хозяев, чьи деньги используют. Говорят: во всех странах работает, а у вас не работает. Иногда мы даже возвращали заказ. Вот одна организация, достаточно уважаемая, известная, она в пятерку самых известных точно входит. Скажем, «омнибус» они запускают, а в нем темы, какие только для города подходят хорошо. Но они на нас нажимают, чтобы с этим инструментарием мы выходили и в небольшие города, станицы нашего региона.

А там большой раздел этого омнибуса – иностранный туризм. Ну, еще в Ростове какая-то часть населения ездит за границу и может попасть в выборочную совокупность. А в малых городках?! И еще, особенно в начале 90-х годов, смех вызывали у сельских респондентов вопросы про корма для собак и кошек. Собаке кто же будет покупать – ну что есть, то и ест. И кошке. Такова психология сельского жителя, а его спрашивают: что лучше, Вискас или вот этот Кити-Кэт. Слышал, рекламу видел, что есть, но чтобы вот я это для пса покупал – «хай вин что дали, то и жрэ».

Ну, и потом очень жесткое руководство, в том смысле, что очень жесткие инструкции. И вот здесь, именно по вопросу жесткости инструкций, взаимоотношения наши выстраивались не как отношения коллег, а как отношения начальника и подчиненного. Но мы же лучше здесь знаем, в чем специфика. А они зачастую указывают, что вот, скажем, в Ростове надо опросить в таком-то районе города и в таком-то. Хорошо, нам это нетрудно сделать: ну скажем, по 50 человек. Но в одном районе живет 200 тысяч населения, в другом живет 50 тысяч. Почему равное количество? Ну, и потом мы же понимаем, что такое административное деление города, оно по живому сделано. Вот реальный пример: требуют опросить в Пролетарском районе города Ростова. Хорошо. Я, как специалист, могу что угодно сделать. Потому что Пролетарский район Ростова устроен так: значительную часть этого района составляет Нахичевань, армянский анклав с устоявшимися традициями, со своим образом жизни. Чуть дальше проехать – Александровка. Это старая казачья станица, частный сектор. Выше – район новостроек. И есть еще одна часть района, так называемая Берберовка, бывший бандитский район. И вот мне задание: в Пролетарском районе города Ростова провести опрос. Я могу армян опросить, могу бандитов опросить, могу казаков опросить. И результаты будут совершенно разные.

Я могу буквально соблюдать все формальные указания и получить какие угодно результаты. Точнейше соблюдать инструкцию, потому что я знаю, какие выбрать районы. Вот, скажем, Азовский район – это богатый район, хороший. Я могу взять для опроса в нем населенные пункты, в которых развиты индивидуальные и коллективные овощеводческие хозяйства, которые кормят Ростов. Это один образ жизни, один источник дохода. А есть в Азовском районе населенные пункты, где зерновая специализация. Сейчас-то поднимаются

они, но какой-то период депрессия была страшная. А ещё существуют рыбаки и браконьеры, живущие по берегу Азовского моря.

Аналогична ситуация на Кубани. Например, есть Успенский район. На его территории расположены станицы русские, аулы черкесские, греческие села – и все на территории одного сельского района. Опять же выборка, её можно как угодно построить. Букву инструкции я соблюдаю, но одновременно могу какие угодно данные получить. В таких случаях я пытаюсь вразумить заказчиков. Предлагаю им, и это, наверное, единственный выход, провести опрос в тех населенных пунктах, которые являются типичными, скажем, для сельского населения Ростовской области. А заказчики, ранее, как правило, не шли на разговор, но сейчас такие организации отошли от дел, а с теми, с которыми мы и сейчас сотрудничаем, относятся с пониманием, они вменяемы. В том смысле, что им можно объяснить: давайте мы вот так сделаем и так сделаем.

В общем, чем жестче инструкция тех людей, которые не знают специфику конкретной территории, тем легче её обойти. Например, они настаивают использовать маршрутный метод. Но в сельской местности это крайне трудно сделать. Например, из-за особенности нумерации домов в селах. Я во множестве сёл встречал: вот идет первый, второй, третий, четвертый, восемнадцатый, девятнадцатый дом, а по другой стороне нумерация возвращается назад – двадцатый, двадцать первый. И сейчас во многих селах в центре населенного пункта вообще нет номеров и нет адреса как такового. В этих условиях может получиться всё что угодно.

И в этом смысле, почему в селе хорошо работать, когда выборка, скажем, электорального исследования делается по спискам избирателей? Всегда помогут работники избирательной комиссии. По спискам я рассчитываю шаг, выделяю, предположим, каждого восемнадцатого. И они говорят: туда не идите, там Антонина Степановна, она до дочки поехала в соседнюю станицу, её не будет, а вот это горький пьяница, а вот это глухонемой. А представь, что я попрусь в конец села, стучу, грохочу, а там глухонемой человек. Сколько времени я потрачу, энергии, эмоций... То есть заранее выбираем людей из запасного списка. В данном случае мы инструкцию не нарушаем и одновременно оптимизируем свой труд. А действительно, если известно, что человека нет сейчас на месте, или его не будет в течение тех пяти дней, что я здесь буду, или он беспросыпный пьяница, пожилой дед, ну чего мне с ним связываться? Я беру из запасного списка людей, которые уже по инструкции отобраны. Вот в этом смысле в селе хорошо, взаимодействие, все обо всех всё знают.

А вообще для того, чтобы сотрудничество было плодотворным, необходимо что-то менять во взаимоотношениях заказчика и исполнителя. Повторяю, их отношения не могут быть абсолютно симметричными, но тех, кто работает в поле, надо лучше стимулировать. Необязательно материально. Поддерживать те их разработки местных проблем, которые вписываются в общую концепцию исследовательского центра, учить кадры. В этом смысле мне пред-

ставляется оптимальной деятельностью Программы «Общественное мнение», которая просуществовала несколько лет на рубеже 80-90-х годов при Министерстве образования и которой руководил А.А.Овсянников. Активные участники попеременно выступали и как научные лидеры своих направлений, и как рядовые исполнители социологических процедур в своих регионах.

Меня иногда просят: Лёня, расскажи, пожалуйста, что это за регион – Юг России, который тебе за 35 лет, наверное, пришлось изъездить вдоль и поперек. Отвечаю, что об этом может быть бесконечный разговор. Покойный Юрий Андреевич Жданов часто употреблял такой образ: «Кавказ – это солнечное сплетение Евразии». Этот регион действительно сложный, он сложнее, чем Балканы. Здесь гораздо больше проблем национальных и конфессиональных. В том же Дагестане десятки местных национальностей. Здесь и особая специфика полевых исследований.

Я никогда не пошлю человека на опрос, если у нас нет хороших связей и в столице республики, и на местах. И в аулах, и в донских станицах это так. Чем меньше населенный пункт, тем патриархальнее, естественно, уклад жизни, тем лучше люди друг друга знают, и появление нового человека, да еще с нетрадиционным видом деятельности – это всегда вызывает повышенный интерес.

И он несколько дней там работает. Но если жители знают, что он такой-то, живет у директора школы или у замначальника милиции, у руководителя предприятия, у уважаемого человека живет дома – всегда хорошо. Опять же, проблемы с автобусным сообщением. Ну, дай Бог, до райцентра автобус дошел, а дальше, если нам надо мелкую единицу? Естественно, он должен иметь какую-то базу, у кого остановиться, где жить. Летом-то проще, а вот зимой – темно, самое время опрашивать, а света нет, ветер свищет. Подходишь к дверям: хозяйева, хозяйева! Забор, дом где-то в глубине, в 30-ти, скажем, метрах, собаки воют, кричишь ... Ну очень тяжело, там разное бывало... Бывало и столы накрывали, и всячески поддерживали.

Конечно, это все-таки не Молдавия. Мне рассказывали, что бригада социологов работала на периферии, а куратор звонит из Москвы или из Кишинева и спрашивает: сколько опросили? Как, почему так мало? А потому, говорят, что больше двух семей невозможно опросить в течение дня. Потому что каждый молдаванин, и это часто и у нас в сельской местности, анкетера, интервьюера рассматривают как гостя. Он гость. И естественно, как к гостю относятся. Не как к казенному лицу, которое по служебной надобности, а как к лицу, которое к тебе в гости пришло. И поэтому стол, всё такое, а в Молдавии еще и такой разговор, что вот ты у этого Йона пил такое вино, а давай вот такого попробуем, а давай такого. То есть больше двух интервью в сутки не получается, невозможно. Ну, аналогично и у нас бывали такие, что это, «да шо, да бросай работу, да на рыбалку поедем, да такие рыбцы у нас, да всё другое...». При этом все вопросы анкеты вызывают сложности, и закрытые, и открытые.

К сожалению, у нас нет адаптации, инструментария, но все-таки не будем забывать: значительная часть респондентов плохо владеет русским языком.

Конечно, бесспорно, сдвиг информации происходит. Потому что приходится растолковывать, объяснять. Лично я могу адекватно перевести на обычный язык какие-то вопросы, но не всякий интервьюер это может сделать. Даже достаточно квалифицированный и бесспорно добросовестный. Когда, скажем, инструментарий велит спрашивать о взаимоотношениях Зимбабве и Гондураса. Нормальный человек не может этого знать, хотя он и понимает, что эти страны – на разных континентах. Всегда возмущает, когда в инструментарии не дают респонденту возможность уйти от ответа. Человек может не знать ответа. Ну, я понимаю, «затрудняюсь ответить» – но это немножко иной смысл. А если он не хочет отвечать на этот вопрос? Ради Бога! Зато никого не обманываем. Пусть и семьдесят процентов не ответили на этот вопрос. Ну и что? Неответ лучше, чем выбитый с выворачиванием рук ответ.

Часто вопросы задаются несколько не адекватные мировоззрению, лексической практике опрашиваемых людей. Они написаны по-городскому, скажем так, городским языком, да еще высказывают какие-то профессиональные слова. Попробуй старушке объясни, что такое мотивация. Ну, и уже как-то упрощаешь. Все-таки люди бывают с невысоким культурным уровнем... Ну попала она в выборку, она доброжелательна ко мне, она непременно пойдет, скажем, в день голосования на участок, обязательно опустит бюллетень, она респондент, она гражданин, она член общества, и я должен взять информацию о её электоральных намерениях. Но как ответить на вопрос «каковы мотивы вашего голосования?», она просто не знает. Говорит: ну сынок, я хочу, чтоб хорошо все было. Спросишь: ну а почему вот за Жириновского голосовали? Вы же говорили, что не собираетесь за него голосовать. «Да пришла кума из станицы, сказала, что Жириновский нам поможет... И все мы пицлы за Жириновского голосовать...». Причём, на темы, связанные с местными проблемами, говорят охотнее. А так – что по телевизору показывают. Ну и потом здесь надо учитывать специфику сельского образа жизни. Летом они работают световой день. Там, особенно если жатва, другие полевые работы – это кульминация года; даже рядовой летний день (ведь почти у каждого свое обширное хозяйство). Естественно, не до телевизора. Зимой, когда дела много нет, тогда они и телевизор больше смотрят, и в большей мере вовлечены в международную жизнь или внутренние какие-то проблемы. А летом они далеки от всего этого. И поэтому летом на общеполитические темы спрашивать неудобно. Причем не вообще мировоззренческие, а вот синоминутные, ну если это не суперсобытия, громкая смерть там, катастрофа; всё мимо них проходит.

Есть и ещё одна проблема. Люди плохо понимают русский язык. И они очень плохо понимают, что написано. Человек русский язык на бытовом уровне знает неплохо. Что, почему, как... Но если на первый план выходит казенный язык, а анкета – это, как правило, казенный язык, человек теряется. Вот

со мной был случай: в одной станице предвыборный опрос, и фамилия у респондента очень простая, скажем, Николаев Иван Петрович. Прихожу, начинаю беседовать, он очень односложно отвечает... Я вложил много энергии, стараясь разговаривать... Потом оказалось, что он принадлежит к одной из национальностей Верхнего Поволжья, мариец. А он не понимает русского языка в полной мере. Конечно, на марийский язык не переведешь анкету. Но в этом надо отдавать себе отчет.

Есть сферы, где они являются акторами... Если он все-таки избиратель, он голосует, тогда его, бесспорно, надо опрашивать, он должен в выборку попадать. Другое дело заложить в инструментарий способы, чтобы эту группу вычленил. Понять, то ли это «электоральное болото», то ли очень подвижная часть, ну и так далее. Но естественно, раз он в этих деяниях принимает участие, он должен быть охвачен. В каких-то других случаях, скажем, опрос на общеполитические темы, от которых он далек, – ну да, на этого человека выйти, несколько вопросов-фильтров и всё.

Я просто уже исхожу из практической, организационной точки зрения, потому что какой бы ни был интервьюер, он живет от стоимости одной анкеты, от того задания, которое ему дано; и раз он нашел человека, вступил с ним в контакт, ему за это заплатят, он всеми правдами и неправдами разговор ведет до конца. И с формальной точки зрения, какие проверки не проводили бы, его не в чем уличить. Был человек – был, беседовали – беседовали, о чем беседовали – а вот об этом.

Поймать это явление очень трудно. Просто отфильтровывать? Скринер какой-то в анкете, который бы отрезал этих людей? А при анализе данных подавать, что да, примерно такая-то часть просто не компетентна в этом. И зачем людей мучить? Некоторые опросные фирмы что-то делают в этом смысле, ну просто спрашивают, какие сложности. Это может быть или недостижимость респондента, или отказ респондента, и по другим причинам... То есть пытаются анализировать эту выборочную совокупность или поле. Но далеко не всегда так. Если же, повторяю, какие-то общеполитические или общероссийские, скажем, проблемы обсуждаются и они не затрагивают его жизнь – тогда не стоит задавать такие вопросы.

Другое дело, когда, скажем, в той же Ростовской области есть несколько населенных пунктов, где граница с Украиной проходит по улице. Там есть один районный центр, Чертково, по улице проходит граница. Вот кум, он живет на Украине. Я живу здесь, я в России живу. А стоит улицу только перейти. Здесь, конечно, уже всё население находится в теме – о взаимоотношениях с Украиной здесь будут говорить. Или живущий, скажем, в районе Волгодонска сельский житель, рядом атомная станция, там есть о чем поговорить. Но для жителя Чертково Волгодонск далеко, и российско-украинские отношения на периферии его интересов. В таких случаях люди отвечают, как бы сказать, как по телевизору; клише языковые воспринимаются, и это клише идет в ход.

Есть и ещё одна проблема. Закрытость, пожалуй. Все-таки там, где больше кавказцев, они в большей мере озираются на старших, на авторитетных людей. Взять русское казачье население – люди более вольны в своих формулировках, высказываниях. Кавказцы очень аккуратны в этом смысле. Зачастую увиливают от ответа, ссылаясь на плохое знание русского языка, непонимание. Мы всячески уверяем, что никто не увидит здесь твоих ответов, но уровень недоверия высок, поэтому очень важно заручиться поддержкой именно авторитета. Авторитета в данном населенном пункте. Тогда легче работать.

Например, год назад мы проводили исследование в Черноземельском районе Калмыкии в рамках выполнения серьёзного гранта. Там очень тяжёлые условия: полупустыня, в некоторых населённых пунктах привозная вода. Надо было провести опрос в селе, где 90% – выходцы с Кавказа, живущие зачастую отчуждённо. Как организовать процедуры? Лихие молодые джигиты ведут наших работников по улице, договариваются об интервью с жителями. Я стою в торце улицы, контролирую процесс и веду светскую беседу с муфтием – бесспорным авторитетом. Всё получилось замечательно.

Однажды было маркетинговое исследование про мобильники, лет 6 назад, когда сотовая связь была не так развита, как теперь. Пришлось провести опрос в городах Северного Кавказа. В городах, не в сельской местности – и всё же мы с опаской относились. А потом оказалось: замечательно, потому что нашли алгоритм подхода. Респонденты, которые с мобильниками – это молодые люди, в большинстве они сравниваются, у кого круче аппарат. Он демонстрирует аппарат, потом рассказывает о достоинствах оператора... Сейчас, может быть, так и не было бы, а шесть лет назад... Сейчас обыденное явление, даже более, а тогда, когда первые аппараты... Мы ищем респондентов, а они стеной идут: и меня опросите, и я должен рассказать... Причём, представители народов Кавказа стараются в беседе, в общении с чужим человеком, национальное не выставлять. Вот русские, особенно выпивающие – та-та-та, понаехало тут... У тех этого нет. Они стараются на эти темы ничего не говорить чужому человеку. Это как заклинание: везде хорошие, добрые люди, хотя я могу и располагать фактами, что... Но тем не менее, вот модель поведения такая, что это мое дело, и всё хорошо; и всё. И здесь природные какие-то, национальные, конечно же, особенности. То есть своей оценки стараются не давать. Конечно, есть случаи, что и коренными себя считают, прижились, то это лишь тогда происходит, когда аккумулируют местную культуру. Здесь же мы чаще всего сталкиваемся с тем, что русский в том же Дагестане, или в Чечне, или в Ингушетии так бы себя не вел, как ведут они. Русские, в этом смысле, ведут себя совершенно по-другому, особенно те, кто казаками себя считают...

Теперь немного о наших социологах. Есть достойные работники (в том числе и у нас в НИИ). Они научные сотрудники, и работают одновременно и как процедурники, и как аналитики. Очень опытные, уже много лет работают, – это один слой. С другой стороны, поскольку я преподаю, я могу привлечь сту-

дентов. Кстати, некоторые московские фирмы очень плохо относятся, говорят: студентов не привлекать. Но они имеют в виду вообще студентов. А здесь студенты-социологи старших курсов, под моим руководством, я их знаю. Если обычный студент допустит ошибки и уйдет, тут взятки гладки; этот студент остается моим студентом, и на его учебной биографии его поведение бесспорно отразится. Его, например, неэтичное с профессиональной точки зрения поведение. Какой же ты социолог, если... И я еще кое-какие меры приму, так что ему сладко не придется. То есть в данном случае, в моей ситуации, я считаю вполне нормальным привлекать своих студентов... Я несу ответственность и за них.

Добавлю несколько слов о подготовке социологов. Есть сложности с учебниками, пособиями, особенно это касается всего, что относится к социологии общественного мнения. Кстати, в последнем поколении государственных стандартов дисциплина стыдливо именуется «социологические проблемы изучения общественного мнения». В учебное дело идет очень многое, например, достаточно давняя статья А.А. Ослона о мозолистом теле социологии в «Независимой газете». На II Всероссийском социологическом конгрессе (2003 год) много говорилось о том, что хорошо бы лучшим специалистам этой сферы сделать учебник или коллективную монографию. Но это пока, насколько я знаю, не сдвинулось с мёртвой точки...

Е.М. Афонина¹

ТРАЕКТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОТКРЫТОГО ОБРАЗОВАНИЯ В КООРДИНАТАХ МОДЕРНИЗАЦИОННОГО ПРОЕКТА

Волна социальных трансформаций, прокатившаяся по всему миру, широко распахнула двери большинства прежде закрытых обществ. Открытость, признанная одним из глобальных векторов развития человечества, стала направляющей идеей и целевым ориентиром модернизации национальных образовательных систем, в частности российской системы образования.

Современная модель образования, разработанная в рамках модернизационного проекта «Российское образование 2020» находит конкретное воплощение в процессе формирования сети открытых и дистанционных учебных заведений. Функционирование данных структур обеспечивает реализацию четырех принципиальных направлений развития, выделенных в Модели 2020 в качестве приоритетных: доступность качественного образования, его непрерывность, ориентацию системы образования на инновационное развитие экономики, ее открытость для общества, включая учет интересов потребителей.

¹ **Афонина Екатерина Михайловна**, кандидат социологических наук, научный сотрудник СКНИИЭиСП ЮФУ.